

Н.М. Стойнова
ИРЯ РАН, Москва

Будущее время в нанайском языке¹

Статья посвящена способам выражения будущего времени в нанайском языке. На материале нанайского языка рассматривается известная идея о выделенном статусе будущего в системе времен и вопрос о том, насколько вообще будущее может считаться временем в том же смысле, что настоящее и прошедшее.

Ключевые слова: *время, будущее время, нанайский язык, тунгусо-маньчжурские языки*

The paper deals with future tense in Nanai. There is a well-known idea of a special status of Future in tense system. It remains disputable, whether Future can be considered as a tense in the same sense as Present and Past. These general questions are discussed on Nanai data.

Keywords: *tense, Future, Nanai, Tungusic languages*

0. Введение

В работе рассматриваются способы выражения будущего времени в нанайском языке (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток).

0.1. Будущее время: теория, типологические данные

В теоретической и типологической литературе неоднократно обсуждалась асимметрия между будущим vs. прошедшим и настоящим временами (см. [Ultan 1978], [Bybee et al. 1991], [Dahl 2000] и др.).

Семантика будущего времени логически неэквивалентна семантике настоящего и прошедшего времени: высказывания о прошлом и настоящем потенциально верифицируемы, ситуация же, следующая за моментом речи, по определению ирреальна.

Формально показатели будущего времени часто оказываются отчетливо противопоставлены показателям настоящего и прошедшего времени, например:

а) слабо грамматикализованы или вовсе отсутствуют;

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 12-34-01255.

б) несхожи с показателями настоящего и прошедшего времени с точки зрения устройства глагольной парадигмы;

в) имеют более узкую сферу употребления, чем показатели настоящего и прошедшего времени;

г) в футуральных контекстах конкурируют с другими временными показателями;

д) имеют широкий круг невременных (в частности модальных) употреблений.

0.2. Выражение будущего времени в нанайском языке

В нанайском языке есть специализированная морфологическая форма будущего времени с показателем *-žə/-žə²*, т.н. «будущее I» в терминологии [Аврорин 1961]:

(1) Avtorin_1986_40.102

nanta	bumbiə-wə	naa-či	xalbo-go-žə-ra
шукура	1PL.ACC-OBL земля-DIR	вытянуть-REP-FUT-	

ASSERT.NPST

‘Шукура нас на землю вытянет’.

Эта форма может также оформляться частицей (или, скорее, постфиксом) *=ma*, т.н. будущее II:

(2) pro_120809_ns_SkazkaLisa.041

ažə	bu-//	žog-či	ese-go-i-do-i-a
ладно	***	дом-DIR	добираться-REP-PRES-DAT-1SG-OBL

bu-žə-či-mə

умирать-FUT-2SG-PART.FUT

‘Ничего, пока дойду до дома, сдохнешь!’

Форма будущего времени используется только в финитных клаузах, для систем причастий и деепричастий специализированных показателей временного следования в нанайском языке не представлено.

В футуральном контексте могут использоваться также формы настоящего времени.

0.3. Материал исследования

Материалом исследования послужили а) данные из нанайских текстов – 40-х гг. (из [Аврорин 1986]) и современных (записи экспедиций 2008–2013 гг.³), всего 5742 слов; б) данные

² Сингармонирующие варианты, далее для каждого показателя для краткости указывается только один из них.

³ Экспедиции в Хабаровский край под рук. С. А. Осольской.

элицитации, в т.ч. типологическая анкета по будущему времени [Dahl 2000] от 3 информантов (с. Найхин Хабаровского края, 2013г.).

0.4. Задачи

Представленное исследование преследует две цели. Первая – чисто дескриптивная: детальное описание категории будущего времени в нанайском языке, в т.ч. ревизия данных из грамматики [Аврорин 1961] на современном материале. Вторая – теоретическая: анализ данных нанайского языка в более общем типологическом контексте, в частности, в свете идеи об особом статусе будущего времени в ряду временных форм.

1. Формы будущего времени в глагольной парадигме

Выше в ряду типологических утверждений об особом статусе футуральных форм была перечислено наблюдение о частом их несходстве с формами настоящего и прошедшего времени с точки зрения устройства глагольной парадигмы. Материал нанайского языка иллюстрирует это утверждение как нельзя лучше.

1.1. Парадигматическая асимметрия: индикатив vs. «утвердительное наклонение»

Парадигма времен в нанайском языке устроена отчетливо асимметричным образом. Прошедшее и настоящее время образуют систему индикатива. Эти формы характеризуются общностью лично-числовых показателей и причастным происхождением форм. Те же формы, не оформленные лично-числовыми аффиксами, используются в атрибутивной функции, а оформленные лично-числовыми аффиксами и падежными аффиксами – выступают как вершина обстоятельственной зависимой клаузы.

Совершенно иной статус у формы будущего времени. Морфологически она примыкает не к системе индикатива, а к системе т.н. «утвердительного наклонения» (по [Аврорин 1961]), о ее статусе внутри этой системы см. ниже п.1.2. Формы утвердительного наклонения, в отличие от индикативных, а) используются только в главных клаузах, б) характеризуются собственной особой парадигмой лично-числовых показателей. Формы прошедшего и настоящего времени утвердительного наклонения крайне низкочастотны по сравнению с формами

индикатива и употребляются только в особых эмфатических контекстах:

(3) sofser_chleb.028

хаж тохала-ни озе-**ran** эрэн un-ži
 что глина-3SG статья-**PRES.ASSERT** лепешка говорить-PRES
 'Какая глина?! Это же лепёшка!'

Такая трактовка вызывает ряд вопросов. Принадлежит ли формально к системе эмфатического «утвердительного» наклонения, является ли форма будущего времени, тем не менее, нейтральной временной формой или также требует особого эмфатического контекста? Действительно ли она является основным средством выражения референции к будущему или имеет в глагольной системе такой же маргинальный статус, как и другие формы утвердительного наклонения? Эти вопросы обсуждаются ниже в п.2.

1.2. Морфологический статус форм будущего времени в парадигме утвердительного наклонения

Следующий вопрос состоит в том, какое место с точки зрения морфологической структуры занимает форма будущего времени собственно в парадигме форм утвердительного наклонения. В грамматике [Аврорин 1961] система утвердительного наклонения описывается как более-менее симметричная: противопоставлены формы прошедшего (-*ka*) / настоящего (-(*r*)*a*) / будущего (-*ža*) времени. Однако на более детальном уровне это не совсем так. Скорее можно говорить о противопоставлении двух подпарадигм – прошедшего времени и настоящего + будущего времен. Причем формы будущего времени морфологически сложнее форм настоящего времени и в этом смысле оказываются вторичными по отношению к ним.

Особенно асимметрия системы и вторичность форм будущего времени очевидны с диахронической точки зрения. В [Суник 1962: 330] приводится следующая реконструкция для формы будущего времени – *-ža* < **-žaran*⁴. В этом комплексе первая часть *-ža* восходит к аспектуальному показателю «незавершенного действия», а вторая – к показателю *-*ran* (для мн.ч. *-*ral*). И это тот же самый суффикс, который представлен (в

⁴ Подобные соображения высказываются и в [Аврорин 1961].

качестве единственного показателя наклонения /времени) в формах настоящего времени.

На синхронном уровне парадигма будущего времени выглядят следующим образом (ср. с парадигмой настоящего):

Таблица 1. Парадигма настоящего и будущего времени утвердительного наклонения

PRES	SG	PL	FUT	SG	PL
1	<i>žobo-a-mbi</i>	<i>žobo-a-pu</i>	1	<i>žobo-ža-mbi</i>	<i>žobo-ža-pu</i>
2	<i>žobo-a-či</i>	<i>žobo-a-su</i>	2	<i>žobo-ža-či</i>	<i>žobo-ža-su</i>
3	<i>žobo-ra</i>	<i>žobo-ra(l)</i>	3	<i>žobo-ža-ra</i>	<i>žobo-ža-ra(lʰ)</i>

На уровне реконструкции, соответственно, так:

Таблица 2. Реконструкция парадигмы будущего времени утвердительного наклонения по [Суник 1962]

*FUT	SG	PL
1	<i>*žobo-ža-ran-bi</i>	<i>*žobo-ža-ral-bu(n)</i>
2	<i>*žobo-ža-ran-či</i>	<i>*žobo-ža-ral-su(n)</i>
3	<i>*žobo-ža-ran</i>	<i>*žobo-ža-ral</i>

Таким образом, как видно из таблиц, в современном нанайском на поверхностном уровне суффикс *-*ran* проявляется в будущем времени только в формах 3л. В [Аврунин 1961] предлагается считать *-ra (a)* в настоящем времени показателем настоящего времени, а в будущем – показателем не времени, а лица (3л.):

žobo-a-či *žobo-ra-Ø* *žobo-ža-či* *žobo-ža-ra*
 работать-PRES-2SG работать-PRES-3SG работать-FUT-2SG работать-FUT-3SG

Такое решение оказывается не очень изящным⁵, хотя и вполне отвечает поверхностному уровню. Как кажется, удобнее постулировать временной показатель *-ra* в будущем времени и для синхронного уровня. Тогда его можно считать единым для

⁵ Варианты мн.ч. на *-l* приводятся в грамматике [Аврунин 1961], современными носителями опознаются как архаичные, но не используются.

⁶ Не очень красивым такое решение кажется не только с диахронической, но и, собственно с синхронной точки зрения: оно нарушает единство лично-числовых показателей утвердительного наклонения: показатель 3л. для будущего времени оказывается уникальным в системе.

будущего и настоящего времени показателем «непрошедшего времени»⁷.

Достоинство такой трактовки, помимо того, что она лучше соответствует реальной диахронической картине, состоит в том, что она позволяет постулировать для утвердительного наклонения единую систему лично-числовых показателей (с нулевым показателем 3л.). Уязвимым же ее местом является необходимость ввести для показателя *-*ran*, помимо вариантов *-ra* и *-a*, представленных в настоящем времени, еще и нулевой вариант (для 1,2л. будущего времени):

<i>žobo-a-či</i>	<i>žobo-ra-Ø</i>	<i>žobo-ža-Ø-či</i>	<i>žobo-ža-ra-Ø</i>
работать-NPST-2SG	работать-NPST-3SG	работать-FUT-NPST-2SG	работать-FUT-NPST-3SG

Насколько этот ноль оправдан? Как кажется, в пользу его выделения говорят и независимые факты морфонологического характера. На материале форм настоящего времени можно сформулировать следующее синхронное правило распределения вариантов *-ra* и *-a*:

последний слог => *-ra* (3л.);

непоследний слог => *-a* (1,2л.).

Если распространить это правило на формы будущего времени, то ожидаются следующие формы:

соответствующие действительности формы 3л.: *žobo-ža-ra*, **žobo-ža*;

формы 1,2л. на *-ža-a-...*⁸.

Поскольку показатель *-ža* оканчивается на *-a*, а ожидаемый вариант суффикса тоже реализуется как *a*, ничего удивительного, что на поверхностном уровне они стягиваются.

В этом контексте важно, что Аврорин отмечает долготу футурального показателя в 1 и 2 лицах. По нашим данным долгий *-ā* в этих формах действительно отмечается, но свободно варьирует с кратким *-a*⁹.

⁷ Несколько нарушает стройность и иконичность такой системы тот факт, что общий для настоящего и будущего показатель линейно следует за показателем будущего времени, а не предшествует ему.

⁸ Дополнительные свидетельства в пользу приведенного выше правила дают формы будущего II (на *=ma*): в 3л. показатель оказывается в последнем слоге, и мы получаем ожидаемые в соответствии с правилом формы *žobo-ža-ma*, но не **žobo-ža-ra-ma*.

⁹ Последовательное противопоставления долгих /кратких гласных (постулируемого в более ранних описаниях как фонематическое, см. [Аврорин 1959: 21]), как кажется, утрачивается в современном нанайском и для других фрагментов системы.

Таким образом, особенно если принимать предложенную выше трактовку, будущее время в парадигме утвердительного наклонения имеет особый, периферийный (морфологически производный) статус.

2. Конкуренция способов выражения референции к будущему

В футуральных контекстах специализированные показатели будущего часто конкурируют с другими временными показателями (ср. *завтра иду в школу* в русском), что еще раз подтверждает их наиболее «слабый» статус во временной системе.

Для нанайского исходно даже не вполне понятно, можно ли вообще считать специализированные показатели будущего времени основной футуральной формой.

2.1. Альтернативные способы выражения референции к будущему

В качестве альтернативы специализированной форме будущего времени в футуральном контексте могут выступать две формы – во-первых, форма настоящего времени индикатива¹⁰ (4), во-вторых, с дополнительным эмфатическим оттенком, форма настоящего времени утвердительного наклонения (5).

(4) pro_120809_ns_SkazkaLisa.013

mama-do-i xaj-go-a-ni gaʒoo-ri-i
старуха-DAT-REFL.SG что-DEST-OBL-3SG приносить-PRES-1SG
‘Старухе своей для этого вот принесу’ – настоящее время индикатива

(5) znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.046

mi simbi waa-**ram**-bi un-ʒi əj niəʒə
1SG 2SG.ACC убить-**ASSERT.NPST**-1SG сказать-PRES этот птица
‘“Я тебя убью”, - говорит эта птица’ – настоящее время
утвердительного наклонения

Отдельно следует упомянуть безличную конструкцию с формой настоящего времени индикатива, которая также описывает ситуацию в будущем, но обычно имеет при этом отчетливую модальную, а не временную семантику (6). Тем не менее, встречаются и употребления типа (7), близкие к чисто футуральным. Эта конструкция далее среди способов выражения референции к будущему не рассматривается:

¹⁰ Причастие настоящего-будущего времени по [Аврорин 1961].

(6) nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika.042

əj sinəʒii mapə-wa=tani era-go-**o**-ri ʒog-či
 этот бедный старик-OBL=a нести-REP-**IMPS**-PRES дом-DIR
 ‘Этого бедного... старика нужно отвезти домой’ – модальное
 употребление

(7) Avrorin_1986_38.050

basa aɣʁani-wa mii=dəə sin-ʒi gəsə
 следующий год-OBL 1SG=PART.EMPH 2SG-INS вместе
 əpu-**u**-ri piktə-i ičə-ndə-mi
 выходить-**IMPS**-PRES ребёнок-REFL.SG видеть-PURP-CV.SIM.SG
 ‘На следующий год я вместе с тобой пойду, чтобы увидеть детей!’ –
 футуральное(?) употребление

2.2. Данные эликации

Данные эликации (анкета по будущему времени, основанная на типологической анкете из [Dahl 2000]) дают следующую картину. Для всех типов футуральных контекстов специализированная форма будущего времени признается допустимой. Для большинства футуральных контекстов она предлагается в качестве дефолтной. Для контекстов будущего запланированного (типа приведенного ниже (8)) некоторыми носителями в качестве дефолтного предлагается вариант с формой настоящего времени индикатива или утвердительного наклонения. Форма будущего времени, однако, также признается допустимой:

(8) rab_licit_Dahl.32

‘{Разговор о планах на вечер: - Чем ты будешь заниматься вечером?}
 Вечером я еду в город’.
 siksə-du xoton-či əpə-ə-mbi /OKəpə-ʒə-mbi
 вечер-DAT город-DIR уходить-**ASSERT.NPST**-1SG/уходить-**FUT**-1SG

(9) nchb_licit_Dahl.90a

‘Поезд отправляется через 5 минут’.
 pojezda toinga minutə ənu-lu-**j**-ni=go /OKənu-ʒə-rə
 поезд пять минута выходить-INCH2-**PRES**-3SG=PART /выходить-
FUT-**ASSERT.NPST**

На основании этих данных можно считать специализированную форму будущего времени утвердительного наклонения нейтральной формой с референцией к будущему.

2.3. Данные текстов

Рассмотрим теперь с этой точки зрения материал текстов. Пилотное исследование проводилось на очень небольшом и не сбалансированном по жанрам массиве (в основном это нарративы, для которых футуральные контексты в целом нехарактерны), поэтому выводы, которые можно сделать на основании этих данных, носят заведомо предварительный характер. Тем не менее, некоторые тенденции можно оценить даже на таком скромном материале. В таблице (3) приведено количество футуральных употреблений для специализированных форм будущего времени, настоящего времени индикатива и настоящего времени утвердительного наклонения¹¹:

Таблица 3. Формы с референцией к будущему в текстах

	всего	тексты 40-х гг.	тексты 2000-х гг.	%от всех употр-й (новые)
буд.вр.	31	8	23	100%(23)
непрош. инд.	12	0	12	1%(12 из 1661 ¹²)
наст.вр. утв.накл.	10	4	6	19%(6 из 32)

Как видно из таблицы, настоящее время индикатива и настоящее время утвердительного наклонения употребляются в футуральных контекстах реже, чем специализированная форма будущего времени, однако в сумме дают сопоставимое с ней количество употреблений.

При этом для формы настоящего времени индикатива футуральное употребление оказывается крайне периферийным – 1% от всех употреблений¹³. Для формы же настоящего времени утвердительного наклонения процент футуральных употреблений оказывается как раз достаточно ощутим – 19%.

Наша выборка дает также некоторое различие для старых текстов (40-е гг., записи Аврорина из [Аврорин 1986]) и новых текстов (2008–2013 гг., наши записи): в новых текстах настоящее время индикатива употребляется в футуральных контекстах

¹¹ Учитывались только аффирмативные контексты, о выражении референции к будущему под отрицанием см. п.3.

¹² NB включая нефинитные употр-я

¹³ В этом смысле удобнее называть ее просто формой настоящего времени, а не формой настоящего-будущего времени, как в грамматике Аврорина.

более активно¹⁴. Однако для такого количества употреблений сложно говорить о сколько-то значимом эффекте.

2.4. Футуральные контексты, характерные для неспециализированных форм

Следующий вопрос касается того, насколько формы, способные употребляться в футуральном значении, распределены по конкретным контекстам. Жесткого распределения тут, как кажется, не обнаруживается. Однако для формы настоящего времени индикатива удастся выявить некоторые характерные типы употреблений (в которых специализированная форма будущего времени, тем не менее, также возможна). Они последовательно перечислены ниже.

а) Будущее запланированное (см. о таких употреблениях п.2.2). Это типологически ожидаемое футуральное употребление показателей с основной референцией к настоящему, ср. примеры из русского языка типа *завтра он уезжает* (см. об этом в типологической перспективе [Dahl 2000]). Для нанайского языка, однако, такие употребления встретились нам только в элицитированном материале (для которого, в частности, можно предположить влияние русского языка), но не в текстах.

Следующие типы употреблений с типологической точки зрения, как кажется, менее тривиальны.

б) Контекст наречия *ələə* ‘скоро’:

(10) nmch_110815_ns_MatJagody.037

<вот> *ələə* *ələə* *ʒukə* *əpə-j*

<вот> **скоро** **скоро** лед идти-PRES

‘Вот скоро лед пойдет’.

На этот тип в новых текстах приходится 4 употребления из встретившихся нам 12-ти. Будущее время в контексте этого наречия встретилось 3 раза.

в) «Риторический вопрос» с *xon'* ‘как’:

(11) lfs_110811_ns_starik i staruxa.020

гə **xon'** tuj bi-i-jə təj bali mapə bi-ə-si=kə

ну **как** так быть-PRES-1SG тот слепой старик быть-NEG-PRES=PART

‘Вот как я так буду дальше жить, старик-то слепой!’

¹⁴ В нашей выборке эта форма в футуральном контексте не встретилась в старых текстах вовсе. Однако за ее пределами такие употребления встречаются, они упоминаются и в описании [Авrorин 1961], где эта форма, в частности, называется формой «настоящего-будущего» времени.

Значение таких употреблений можно приблизительно охарактеризовать как ‘сомнение говорящего в возможности ситуации в будущем’. Ср. также устойчивое сочетание ‘что ты будешь делать’:

(12) pikchub_osy.031

gə хон' ta-j-si

ну как делать-PRES-2SG

‘Ну что ты будешь делать!’

Таких употреблений 3 из 12. Форм будущего времени в этом контексте нам не встретилось.

Заметим, что этот контекст семантически близок к контексту отрицания, в котором формы настоящего времени регулярно замещают специализированную форму будущего (см. об этом п.3).

г) Околоимперативное значение:

(13) lfs_110811_ns_lakicho.015

məŋgun хуктə... məŋguləji

серебро зуб серебро-PFV-PRES-1SG

‘{Лакичо думает, из чего бы сделать себе зубы:} Серебряные зубы... сделаю-ка из серебра’.

Такие употребления выражают приблизительно ‘решение говорящего о желательности ситуации в будущем’ (в русском языке похожую семантику несет частица *-ка*, неслучайно использованная при переводе в примере выше). Таких употреблений встретилось также 3.

Таким образом, как показывают и данные элицитации, и данные текстов, специализированную форму будущего времени можно считать основной нейтральной формой, используемой в футуральном контексте. Однако процент употреблений в этом контексте неспециализированных форм также достаточно велик – они используются почти в половине случаев. Для формы настоящего времени индикатива можно при этом выделить ряд особых контекстов, в которых она преимущественно употребляется.

2.5. Будущее I и будущее II

Как было сказано выше, форма будущего времени может употребляться изолированно (т.н. будущее I) или в контексте частицы (постфикса) *=ma* (т.н. будущее II).

Будущее II представлено редкими эмфатическими употреблениями с достаточно трудноуловимым значением. В [Аврорин 1961: 111–114] его значение характеризуется как содержащее «оттенок предположения о неотвратимой неизбежности действия», а в переводах к иллюстративным примерам используются такие конструкции, как *придется сделать*.

Нашей задачей было установить, подтверждаются ли утверждения Аврорина на современном материале и исследовать семантику этой формы более подробно. Оказывается, однако, что будущее II в современном нанайском достаточно маргинальная форма. В наших текстах встретилось всего 4 примера на ее употребление, 2 из них в императивном значении, а не собственно футуральном (см. п.4). Носителями она, однако, уверенно опознается и иногда предлагается в качестве нейтрального варианта при переводе с русского. По данным элицитации, удастся установить следующие частные особенности употребления будущего II.

Во-первых, это запрет на употребление будущего II, в отличие от будущего I, в превентивном контексте типа (14):

(14) *ltk_elicit_Fut2*

‘Даже не походи к телевизору: обязательно сломаешь!’

tiliwizar žakra-če-a-ni əži əpə-ə,
 телевизор около-DIR-OBL-3SG NEG.PST.COP идти-NEG
*bojale-ža-či/*bojale-ža-če=ma* {комментарий: «получается, специально
 ломаешь»}

ломать-FUT-2SG /ломать-FUT-2SG=PART.FUT

Этот запрет вполне согласуется с толкованием, предлагаемым Аврориным, которое содержит семантический компонент необходимости, несовместимый с контекстом предостережения о возможной неконтролируемой ситуации.

Возникает вопрос о том, возможны ли в таком случае в принципе употребления этой формы с неконтролируемыми предикатами, и если возможны, то с каким значением. Носители подобных употреблений не запрещают. Форма будущего II

маркирует в таких контекстах, как кажется, уже не необходимость совершения действия, а просто подчеркнутую вовлеченность говорящего или слушающего в описываемую неконтролируемую ситуацию, ср.:

(15) *nchb_elicit_Dahl.46*

tugdǝ-žǝ=mǝ

дождь-FUT-2SG=**PART.FUT**

‘Ну точно будет дождь! {это очень хорошо или очень плохо}’

Ср. также фразеологизованное:

(16) *nchb*

Si=kǝ ulǝn bi-žǝ-či=mǝ

2SG=PART.REAL хорошо быть-FUT-2SG=**PART.FUT**

‘Чтоб тебе пусто было (букв.: тебе-то хорошо будет!)’

Дальнейшие обобщения требуют большего – прежде всего текстового – материала.

3. Ограничения на сферу употребления показателей будущего времени

Типологически, как отмечается еще в [Ultan 1978], для специализированных показателей будущего времени характерно иметь более узкую сферу употребления по сравнению с показателями настоящего и прошедшего времени. Один из аспектов функциональной ограниченности будущего времени в нанайском языке уже упоминался: специализированная форма будущего времени существует только для финитных клауз, в системах же причастий и деепричастий представлена двухчастная временная оппозиция. Ниже рассматривается еще один контекст, блокирующий употребление специализированной формы будущего времени, – контекст отрицания.

В нанайском языке представлена сложная автономная парадигма отрицательных форм, несходная с парадигмой утвердительных форм (т.н. асимметричное отрицание в терминах [Miestamo 2005]).

Для будущего времени в грамматике [Аврорин 1961] постулируется особая аналитическая отрицательная форма с глаголом *ta-* ‘делать’ в будущем времени, соответствующая будущему времени аффирматива: *ǝm žobo-a ta-žǝ-mbi* ‘я не буду работать’. Однако современными носителями такая форма не признается и в записанных нами текстах не встречается. Во всех

отрицательных контекстах с референцией к будущему, как при элицитации (ок. 15 контекстов), так и в текстах (16 контекстов), употребляется отрицательная форма настоящего времени индикатива.

(17) znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.wav 216.210
222.790

si	mimbi	waa- ra-si-si	un-ži
2SG	1SG.ACC	убить- NEG-PRES -2SG	сказать-PRES

“Ты меня не убьешь”, - говорит’.

Окказионально в элицитированных контекстах встретилась также синтетическая форма будущего времени, построенная по образцу синтетической формы настоящего времени индикатива: ^{оказ} *otole-a-se-ža-či* – ‘не поймешь: понимать-NEG-PRES-FUT-2SG’ (ср. *otole-a-se-si* ‘не понимаешь: понимать-NEG-PRES-2SG’).

4. Переносные употребления форм будущего времени

Формы, используемые с референцией к будущему в языках мира, часто имеют достаточно широкий круг невременных употреблений. С этой точки зрения, не всегда понятно, имеем ли мы дело с собственно временной формой или с более универсальной модальной / ирреальной формой, используемой в футуральных контекстах не в силу их временной референции, а в силу их неутвердительного пропозиционального статуса или модальной окраски. Для нанайского языка такой проблемы не возникает. Форму будущего времени можно интерпретировать как чисто временную. Невременных употреблений у нее достаточно мало. Все они укладываются в круг типологически самых ожидаемых.

а) Императивные и околосимперативные употребления:

(18) Avrorin_1986_42.008

mapa	siuliəm-bə-ni	baa-xan	oseni,
медведь	талисман-OBL-3SG	находить-PC.PST	если
sii	žara-raa	xolge-če-raa	
2SG	братъ-CV.NSIM	сушить-IPFV-CV.NSIM	
mən-du-i	nəičə-žə-či		
сам-DAT-REFL.SG	хранить-FUT-2SG		

‘Если найдешь медвежий талисман, ты возьмешь его, высушишь и будешь хранить у себя’. (рекомендация)

(19) znb_110821_so_SkazkaZheleznajaPtitsa.024

icə-žə-či	un-ži	əm	moo
-----------	-------	----	-----

видеть-FUT-2SG сказать-PRES один дерево
 ‘{Пойдешь в лес, а когда в лесу три сопки пройдет,} увидишь одно
 дерево, говорит’. (инструкция)

б) Значение возможности (только элицитация, в
 естественных текстах не встретилось):

(20) nchb_elicit_Dahl.83

mii agbi əj ʒolo-wa əŋgi-ʒə-гэ

1SG брат этот камень-OBL поднять-FUT-ASSERT.NPST

‘Мой брат справится, поднимет этот камень’.

5. Заключение

Таким образом, нанайский материал служит хорошей иллюстрацией к идее об особом статусе будущего во временной системе. Нанайское будущее время – вполне грамматикализованная морфологическая форма (см. п.0.2), в этом плане она не проявляет (как это часто бывает) отличий от прочих временных форм. С точки зрения семантики это именно футуральная форма, а не форма с широким кругом употреблений, обслуживающих в том числе и зону будущего времени (см. п.4). В этом смысле форму будущего времени в нанайском языке можно считать эталонной футуральной формой. Поэтому особенно интересно, что даже и такая форма обнаруживает в с разных точек зрения девиантное поведение по отношению к формам настоящего и прошедшего времени.

Будущее время в нанайском языке отчетливо противопоставлено настоящему и прошедшему парадигматически: формально оно примыкает не к системе индикатива, а к маргинальной системе особого эмфатического «утвердительного наклонения» (п.1.1).

В парадигме утвердительного наклонения формы будущего времени также обнаруживают очевидно периферийный, морфологически производный статус (п.1.2).

Специализированная форма будущего времени оказывается в нанайском языке отчетливо функционально ограничена: она существует только для финитных клауз и только для афfirmативного контекста (п.3).

Формы будущего времени могут считаться центральной нейтральной формой выражения референции к будущему, однако в соответствующих контекстах они сопоставимы по частотности с неспециализированными формами (п.2). Шире, чем ожидалось

бы, вторгаются в футуральную зону показатели настоящего времени, они используются как в типологически предсказуемых, так и в достаточно нетривиальных контекстах (п.2.4).

Сокращения

1,2,3 — 1 лицо, 2 лицо, 3 лицо; ACC — аккузатив; ASSERT — утвердительное наклонение; COP — связка; CV — деепричастие; DAT — датив; DEST — дестинатив; DIR — директив; EMPH — эмфаза; FUT — будущее время; IMPS — имперсонал; INCH — инхоатив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; NSIM — неодновременность; OBL — обликвус; PART — частица; PC — причастие; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRES — настоящее время; PST — прошедшее время; PURP — пурпозив; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.–Л. 1959.
2. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 1961.
3. Аврорин В.А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л. 1986.
4. Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках : морфологическая структура и система форм глагольного слова М.–Л. 1962.
5. Bybee J.L., Pagliuca W., Perkins R.D. Back to the Future // Traugott E.C., Heine B. (Eds.) Approaches to grammaticalization. Amsterdam: Benjamins. 1991. P. 7–58.
6. Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages // Dahl Ö. (Ed.) Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin–New York: Mouton de Gruyter. 2000.
7. Miestamo M. Standard negation: the negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective. Berlin: Mouton de Gruyter. 2005.
8. Ultan R. The nature of future tenses // Greenberg J. (Ed.) Universals of human language. 1978. P. 83–123.